

Аделаида Дрозд

Ипотечная жена

ПО СОВМЕСТИТЕЛЬСТВУ

Аделаида Дрозд

Ипотечная жена по совместительству

<https://litres.ru/74213162>

Аннотация

Два чужих человека, загнанные в угол обстоятельствами, подписывают брачный контракт, чтобы спастись от кредиторов. Цель ясна: три года играть роль идеальной пары, выплатить ипотеку и разбежаться. Но жизнь не следует сценариям. Ссоры на кухне, смех над общим диваном, незапланированная забота в минуту слабости — враги поневоле начинают замечать трещины в своих защитных стенах. Страх, недоверие и жёсткие финансовые расчёты медленно, но неумолимо уступают место чему-то хрупкому и настоящему.

Как из прагматичной лжи может вырасти самая искренняя правда, а дом строится не из денег, а из тех маленьких бытовых войн и перемирий, которые случаются на общей территории.

Выкладка идёт по графику: пн, вт, ср, чт, пт, сб, воскресенье — выходной.

Ориентировочная дата окончания подписки: *25 апреля* (плюс-минус 3–5 дней). (далее книга уходит в продажу)

Содержание

Пролог. Нулевая точка.	4
Глава 1. Отказ номер один	8
Глава 2. Сосед по стенке	16
Глава 3. Две неудачи на одну кухню	22
Глава 4. Безумная идея	29
Глава 5. Банк и семейная легенда	36
Глава 6. Договор на салфетке	42
Глава 7. ЗАГС: без платья и фаты	48
Глава 8. Первая свадебная ссора	53
Глава 9. Риелтор и кошмарные варианты	59
Глава 10. Квартира мечта... с сюрпризом	63
Глава 11. Подписи и паника	68
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Пролог. Нулевая точка.

Подпишите здесь — и забудьте, что у вас когда-либо был выбор. Бумага тонкая, но слово на ней — громче выстрела. Чернила ещё не высохли, а жизнь уже начнёт мерцать по-другому.

Злата Морозова ставила подпись спокойно, почти по-делу. Её пальцы чуть дрожали от усталости, не от страха: усталость копилась годами между коммунальными счетами и очередью в маршрутке. Она мечтала о маленькой кухне, где можно не прятать горшок с растением, о стене, которую можно просверлить без согласия хозяйки, о холодильнике, в который не влезают чужие коты и судьбы. Три буквы в паспорте казались ей пропуском в эту жизнь.

Егор поставил подпись с тем же выражением лица, что и при подписании технического задания: без иллюзий, но с расчётом. У него в биографии было поручительство, в мировоззрении логика. Для него брак — это график платежей, риск-менеджмент и ещё одна строчка в долговой диаграмме. Он не ждал фейерверка, он ждёт погашения.

Они обменялись бумажками, риелтор улыбнулся, как человек, чья профессия — делать сделки из человеческих жизней, и дверь закрылась за ними с глухим щелчком, будто кто-то кинул замок над иллюзией легкого решения. На бумаге молодая семья, в табличках и процентах. В реальности

две одиночные жизни, которым вдруг предложили на время притвориться тем, чего в них нет.

Вы думаете, это история о том, как два расчетливых сердцем человека сыграют роли ради крыши? Частично — да. Но под контрактом всегда прячутся непредсказуемые вещи. В пустой квартире между двумя спальнями начнутся маленькие войны — за плиту, за холодильник, за последнее место на плечике шкафчика. В этих войнах нет сценария, зато есть перфоратор, и он будет звучать как барабан приближающейся измены.

Первый вечер и уже легенда: Колбаса пропала. Пустой холодильник — не просто еда, это символ. Пара пытается выглядеть как «молодая семья», но в их совместном быту колбаса важнее романтики. Кто украл её? Кот Геннадия Степановича? Соседи? Судьба? Они разобьют небольшое апокалиптическое расследование, которое обернётся знакомством, а знакомство — первой искоркой. Смешно? Очень. Правдиво? Ещё как — ведь у всех нас есть свои «колбасы»: маленькие вещи, на которых держится жизнь.

Ремонт станет их тестом на прочность. Представьте: перфоратор как музыкальный инструмент — густой, громкий звук, который научит их терпению, обои — как прошлое, слой под слоем и газеты 1973 года, приклеенные к стене — музей семейных решений, которые когда-то казались вечными. Они будут сдирать слои, и в каждом слое обнаруживать не просто бумагу, а чьи-то надежды, чьи-то ошибки, чьи-то

отголоски. Смех, когда шпатель вдруг ломается и падает в кучу обоев, слёзы, когда понимают, что пустая белая стена — это не просто результат труда, а окошко в будущее, которое они начали строить вместе.

Здесь нет гламура. Здесь есть чеснок у плиты, трещины шуток, шероховатость рук, которые держат дрель. Это романтика, скомканная в пакет из строительного магазина, и именно она честнее любовных признаний под фонарём. Любовь — это дышать в один ритм, когда у тебя в руках шпатель, и слушать, как сосед снизу жалуется на перфоратор, и всё равно не отпускать руку рядом. Любовь — это когда ты ставишь галочку в блокноте «сделать заказ на плитку» и чувствуешь, что делишься не только расходами, но и надеждами.

Банки смотрят на цифры. Родители смотрят на расписание. Мир предлагает готовые формулы: всё это временно или это не по любви. Но то, что происходит в этих комнатах, где вешают полки и учатся мыть посуду вдвоём — не поддаётся расчёту. Это как вирус: сначала вы кашляете о сроках кредита, а потом вдруг понимаете, что ваш сосед по стенке не враг, а человек, который знает, как сварить суп, когда у вас бессонная ночь.

И будут моменты, которые заставят дрожать: первый совместный платеж, когда банк списывает деньги. В приложении на экране цифры, которые вы не хотите видеть. Рука дрогнет. Но рядом кто-то с другой стороны дивана вылечит

это дрожание своим ничтожным, но таким крепким: — Мы справимся. Это не кинематографический монолог, это шёпот, который сильнее всякой декларации.

Так, шаг за шагом, они выстроят дом. Не идеально, не по журналу, но по-настоящему. В этой истории нет фальши и нет финиша, а есть только постоянная работа: закрутить, подклеить, переварить и простить. И каждый раз, когда они с новой силой берут шпатель и краску, что-то внутри них меняется: скепсис плавится, страх уходит в угол, и на его месте появляется привычка — привычка быть рядом.

Если вы любите истории, где смех и боль живут по соседству, если вам по душе честность без сладких прикрас, если хотите посмотреть, как несколько листов бумаги превратят двух одиноких людей в нечто большее — заходите. Здесь будут смешные диалоги, ребячество у холодильника, и, да, будет перфоратор. И возможно — будет любовь. Но она придёт не как в романах, а как запах свежей краски — неожиданно, громко и навсегда.

Подпишите первую страницу. Или просто прочтите. Но помните: подпись — это не конец. Это старт. И в этот старт можно вбить гвоздь, повесить полку и оставить на ней фотографию — не как доказательство «мы были», а как обещание «мы останемся».

Глава 1. Отказ номер один

Офис менеджера по ипотеке пах тем же, чем и все банки — поддельным ковровым, дешёвым кофе и затаённой безнадёжностью. Но Злата Алексеевна Морозова на этот запах не обращала внимания. Сидя на кожаном кресле, которое скрипело при каждом движении, она в уме расставляла воображаемую мебель в своей, ещё не существующей, квартире. Вот здесь, под окном, где будет падать утреннее солнце — её письменный стол. Там, в углу — удобное кресло для чтения. А на кухне — обязательно большой холодильник, чтобы не экономить на йогуртах.

Двадцать восемь лет, — думала она, пока менеджер что-то печатал на клавиатуре. — Не поздно же начать взрослую жизнь. Своими четырьмя стенами.

— Злата Алексеевна, — голос менеджера, молодого человека в безупречной рубашке и с улыбкой, отточенной на тренингах, вернул её к реальности. — Мы рассмотрели вашу заявку. И, к сожалению...

Он сделал паузу, и Злата уже поняла всё по тому, как его взгляд пополз куда-то в сторону от неё, к экрану монитора.

— К сожалению, по текущим условиям ваш доход не позволяет нам одобрить запрашиваемую сумму в одиночку. Критически не хватает. Ипотека — это серьёзная ответственность на двадцать пять лет. Банк должен быть уверен

в платёжеспособности клиента. У вас нет созаёмщика? Супруга, например?

Внутри у Златы что-то упало и разбилось. Это был звук, похожий на треск её планов.

— Нет, — ответила она, стараясь, чтобы голос не дрогнул. — Созаёмщика нет. А если увеличить первоначальный взнос?

Менеджер покачал головой, и его тренированная улыбка стала чуть более сочувственной, а оттого — ещё более невыносимой.

— Это не решит проблему ключевого риска — низкого соотношения платежа к доходу. Одному сложно, знаете ли. Особенно в нынешних условиях. Может, подождёте повышения? Или... рассмотрите варианты с партнёром? Семейным парам у нас условия всегда лояльнее.

Он произнёс это так, будто предлагал не вступить в брак ради квартиры, а выбрать другую модель кредита.

Она никогда не любила слово «жертва». Это было слово для каких-то чужих трагедий в фильмах, а не для её собственной жизни. Но если посмотреть без театра — то детство Златы прошло как экзамен по экономике в миниатюре: домашний бюджет, очередь за продуктами, умение считать не только до десяти, но и до той суммы, на которую хватит хлеба до зарплаты. Её мама работала много и честно, но денег всегда было ровно столько, чтобы стыдливо не хватить до конца месяца. И в этом стыдливом недостатке рано ро-

дилось правило: дом должен быть местом, где тебе не надо просить прощения за счёт.

Память держала несколько эпизодов чётче, чем остальные. Один — это маленькая комната в коммуналке, где у неё было узкое одеяло и книжка про Нью-Йорк с рванными страницами. В этой книжке она впервые увидела окна, за которыми люди жили по-другому: аккуратно, с книгами и с воздухом, где можно вешать картины. Её тогда поразило, что у кого-то может быть мебель, которая не падает от первого дуновения ветра. Другой эпизод — первый собственный заработок. Она тогда была ещё студенткой и устроилась на подработку в бухгалтерию, где ей поручили разносить документы и подписывать ведомости. Платили мало — но это было её, первые деньги, которые никто не называл подарком, которые она сама собирала в конверты и записывала на листочке: еда, трамвай, на книжку.

Эти мелочи позаботились о её характере. Она редко делала импульсивные покупки — каждое приобретение было маленькой церемонией: купить чашку, если она действительно нужна, а не потому что красивый цвет подойдёт под шторы. Но под нуждами пряталось и другое — желание пространства. Не просто куча столов и ламп, а возможность поставить кадр с фотографией, поставить горшок с растением и не бояться, что тебя попросят выйти из общего коридора, потому что «курилка» сегодня не по расписанию. Желание это было почти религиозным.

Через пять минут Злата вышла из банка в серый, морозящий дождём день. Рекламный щит напротив ухмылялся ей ослепительной улыбкой идеальной пары: он, она и ребёнок на фоне новостройки с солнечными балконами. Строим будущее вместе! — кричала надпись.

Вместе, — ехидно подумала Злата, поправляя сумку на плече. — А я, видимо, в одиночку должна его разобрать на запчасти.

Внутренний монолог, начавшийся ещё в банке, набирал обороты по мере того, как она шла к остановке.

Низкий доход. Бухгалтер в маленькой фирме — это не низкий доход, это стабильный средний доход! На который хватает на съём комнаты, на еду, на тушь и иногда на вино. Но банку, видимо, надо, чтобы я золотые унитазы покупала. Нет созаёмщика. А откуда ему взяться, созаёмщику? В офисе у меня коллеги-женщины, все замужем или в разводе с ипотеками. На Тиндере — мальчики, которые ищут лёгких отношений без обязательств. Легко! Без обязательств на двадцать пять лет! И эта съёмная комната...

Мысли перенесли её в ту самую комнату в трёхкомнатной квартире на окраине. Воспоминание накрыло с головой: вечный запах жареной рыбы из-за двери соседки-пенсионерки, которую звали тётя Валя. Второй запах — кошачий, от трёх персидских котов соседа с другой стороны, мужчины лет пятидесяти, который коллекционировал модели паровозов. И третий — запах сырости из совмещённого санузла, который

чинили всем миром, но безуспешно.

Я устала, — честно призналась она себе, залезая в набитую маршрутку. — Устала от чужого жилья. От того, что не могу прибить полку, не спросив разрешения. От очереди в ванную по утрам. От этой вечной временности всего.

Маршрутка тронулась, резко дернув, и Злату придавило к стеклу. Рядом мужчина громко разговаривал по телефону, рассказывая кому-то о скидках на шиномонтаж. У девушки в наушниках из телефона доносился агрессивный рэп. Кто-то толкал её в спину рюкзаком. Она закрыла глаза.

Звонок вырвал её из этого ада. На экране — Катя, лучшая, и, кажется, единственная подруга, которая пережила переход из института во взрослую жизнь.

— Ну что, банк-мужчина сделал предложение? — сразу с порога спросила Катя.

— Отказал. Говорит, доход низкий и одна я — ненадёжный элемент. Нужен партнёр. Семейный очаг, супруг и, желательно, двое детей для полного счастья кредитного отдела.

— Ох, Злат, — в голосе Кати послышалось искреннее сочувствие. — Ну что за дела. Может, правда, подумать о... ну, знаешь. О серьёзных отношениях?

— Кать, я в серьёзных отношениях. Я в серьёзных отношениях с желанием иметь свою квартиру. Просто объект моей любви бездушный и требует первоначального взноса.

Катя рассмеялась. — Я не об этом! Хотя... слушай, а ведь это идея. Ты же практически на выданье. Молодая, симпа-

тичная бухгалтерша. Найди такого же отчаянного аййтишника, которому надоело снимать углы. Распишитесь, возьмите ипотечку на двоих, а там... глядишь, и сживётесь. В наше время браки и по менее романтичным поводам заключают.

— Ты предлагаешь мне выйти замуж за ипотеку? — Злата фыркнула, но мысль, как заноза, засела где-то в глубине сознания.

— Я предлагаю тебе рассмотреть все варианты! Это же чистая формальность. Одна бумажка в ЗАГСе. Зато крыша над головой, своя. Не надо ни с кем делить туалет. И кошачий запах будет только от твоего кота, если заведёшь.

— У меня аллергия на кошек, — автоматически возразила Злата.

— Ну вот видишь! Ещё один плюс к своей квартире — можно не беспокоиться о соседских животных. Думай, Злат. Думай стратегически. Любовь придёт и позже. А ипотека не ждёт.

Поговорив ещё минут десять, Злата вышла из маршрутки у своего дома. Дождь почти прекратился, оставив после себя промозглый холод и лужи, в которых тускло отражались огни окон. Подъезд её девятиэтажки встречал вечным запахом хлорки и старого линолеума.

Она поднялась на пятый этаж, достала ключи. И тут её взгляд упал на дверь её комнаты. Вернее, на то, что было прикреплено скотчем рядом с дверью.

Белый лист А4. Распечатка.

УВАЖАЕМАЯ ЗЛАТА АЛЕКСЕЕВНА!

Сообщаю Вам, что в связи с общим повышением тарифов на коммунальные услуги и ремонтом подъезда, с 1 числа следующего месяца арендная плата за комнату увеличивается на 25%.

С уважением, хозяйка, Лидия Петровна.

Злата замерла. Буквы плыли перед глазами. Двадцать пять процентов. Четверть от её и без того небогатой зарплаты. На что? На ремонт подъезда, который всё равно не сделают? Она медленно отклеила листок, смяла его в тугую, злой комок.

Открыла дверь. Комната встретила её знакомым уютон-неуютом: её книги на полке, её постер с видом Нью-Йорка, её плед на кровати. И всё это — на чужой территории. С чужого позволения. За деньги, которые теперь будут ещё больше.

Она бросила смятый листок в мусорное ведро, подошла к окну. За ним темнел двор, горели окна в других домах. В каждом из этих окон — своя история. Чья-то своя квартира. Чьи-то свои проблемы. Но свои.

Тихо, почти шёпотом, но с железной решимостью, прозвучали слова в тишине комнаты: — Всё. Хватит. Мне нужна своя квартира. Любой ценой.

И где-то в глубине, под слоем обиды, усталости и злости, шевельнулась та самая абсурдная, безумная мысль, подброшенная подругой. Мысль о бумажке в ЗАГСе. О формальности. О браке с незнакомцем ради общей крыши над головой.

Это было дико. Немыслимо. Отчаянно.

Но за окном снова заморосил дождь, а из-за стены донёлся приглушённый лай соседской собаки, и Злата поняла — она готова рассмотреть даже самое немыслимое.

Глава 2. Сосед по стенке

Стены в этой квартире, по меткому выражению предыдущей жилички, были сделаны не из бетона, а из папье-маше и злых мыслей. Всё, что происходило за ними, просачивалось наружу с наглой отчётливостью. Злата знала, что тётя Валя в семь утра включает радио Шансон, а её сосед-моделист паровозов, Геннадий Степанович, в одиннадцать вечера обязательно смотрит старые комедии, громко смеясь на одних и тех же шутках.

Но за правой стенкой, в соседней комнате, обитал кто-то новый. Он въехал пару недель назад, и Злата ещё не видела его вживую — только слышала. Слышала, как в три ночи клацает компьютерная клавиатура со скоростью пулемётной очереди. Слышала редкие, односложные телефонные разговоры. Слышала сегодня в два часа дня, как он, судя по звукам, пытался собрать какую-то мебель, периодически роняя что-то тяжёлое и глухо материясь.

А сейчас, в одиннадцать вечера, начался настоящий концерт.

— Алло? Да, я слушаю... Нет. Нет, Игорь, слушай меня внимательно. API должен возвращать не просто ошибку 500, а внятное описание, что именно сломалось. Внутренняя ошибка сервера — это не описание, это плевок в лицо разработчику... Нет, завтра утром — это поздно. Баг в оплате.

Люди не могут купить. Понимаешь, не могут? Это как если бы в магазине на кассе сломалась касса. Мне сейчас, Игорь. Да, сейчас. По видеосвязи. Готовь скриншоты логов.

Голос за стеной был низким, усталым, но с чёткой, железной логикой в каждом слове. В нём не было истерики, только холодное, накопленное раздражение. Злата, пытавшаяся читать книгу, отложила её. Сопротивляться было бесполезно.

— Нет, роутер перезагружал. Пробовал через VPN. Проблема не на моей стороне... Что? переустанови Windows? Ты серьёзно? Игорь, я тебе сейчас по удалённому доступу переустановлю что-нибудь. В твоей голове, например.

Злата невольно фыркнула. Сарказм сквозил в каждой фразе. Это был не просто сосед. Это был, судя по всему, ай-тишник. И, похоже, не в самом радужном расположении духа.

Утро началось с классического соседского столкновения. Злата, сонная, с кастрюлькой вчерашней гречки (готовить на три дня вперёд — священное правило бюджетного выживания), вышла на общую кухню. Кухня представляла собой памятник советскому дизайну и общему равнодушию: облезлые обои в цветочек, стол с пластиковой скатертью, намертво прилипшей к поверхности, и холодильник, гудящий, как взлетающий Боинг. На дверце холодильника, как и полагается, висел блокнот для записок и список правил, написанный рукой хозяйки: **МЫТЬ ЗА СОБОЙ ПОСУДУ!, НЕ ЗАНИМАТЬ ПОЛКИ НАДОЛГО!, КОШКАМ НА СТОЛ НЕ ЛА-**

ЗИТЬ! Последнее было адресовано коту Геннадия Степановича, который правил не признавал.

Злата открыла холодильник, чтобы поставить свою кастрюлю на общую полку, и замерла. На её скромном куске докторской, аккуратно завёрнутом в плёнку и подписанном маркером З.А., зияла вмятина. Значительный кусок колбасы исчез.

— Э-э-э... — невольно вырвалось у неё.

В этот момент в кухню вошёл Он. Высокий, худощавый, в тёмной футболке с едва читаемой надписью на английском, чёрных спортивных штанах и с кружкой в руке. Лицо — интеллигентное, но с усталыми тенями под глазами и лёгкой трёхдневной щетиной. Он выглядел так, будто не спал с прошлой недели, но кофе в его кружке был единственной вещью в этом мире, на которой он сейчас концентрировался.

Их взгляды встретились. Он кивнул, безразлично, дежурно. Злата, подогреваемая обидой за колбасу и вчерашним ночным бдением, не выдержала.

— Извините, — начала она, стараясь звучать вежливо, но твёрдо. — Вы, часом, не в курсе, у нас тут на кухне... ну, кто-то продукты берёт без спроса? Колбаса пропала.

Мужчина поднял на неё взгляд. Глаза серые, внимательные, но без особого интереса.

— Колбаса, — повторил он, как будто проверяя странное иностранное слово. — Нет. Не в курсе. У меня свой продовольственный контракт с доставкой. В чужие запасы не лезу.

— Он сделал глоток кофе и повернулся к чайнику.

— Просто вы новенький, — не унималась Злата, чувствуя, что немного не права, но остановиться уже не могла. — И ночью довольно шумно было. Работали?

Он обернулся, и в уголке его губ дрогнуло что-то, отдалённо напоминающее улыбку. Но это была не добрая улыбка.

— Это была не работа. Это был акт отчаяния и воспитания нерадивых коллег. А шум... — Он взглянул на потолок, откуда доносился топот детских ног. — Вот это шум. У соседей сверху, судя по всему, открылся филиал футбольной школы. Мой ночной разговор — это симфония тишины в сравнении.

Злата смутилась. Он был прав. Дети сверху действительно бегали с шести утра.

— Ладно, — сдалась она. — Извините. Просто нервы... И колбаса.

— Понятно, — ответил он, и снова это было не всё в порядке, а именно понятно, как если бы он занёс факт в протокол. — Егор.

— Злата.

Он снова кивнул и вышел с кружкой, оставив её наедине с гуляющей гречкой и чувством лёгкой глупости. Егор. Айтишник. Сарказм уровень босс. И воров колбасы, скорее всего, не является. Воров, как выяснилось через час, оказался кот Геннадия Степановича, которого Злата застала в процессе попытки вскрыть пакет с её сыром. Кота она отругала,

но удовлетворения это не принесло.

Вечером, умывшись и готовясь ко сну, Злата снова услышала голос за стеной. Но на этот раз это был не рабочий разговор. Голос звучал сдавленно, с тем же холодным раздражением, но теперь оно было смешано с отчаянием.

— Да, я понимаю. Платёжеспособность. Я всё предоставил. Два НДФЛ, выписки... Что значит рискованно? У меня кредитная история чище слёзы младенца. Да у меня платёжка белее вашего потолка! Я не прошу золотой дворец! Я прошу однокомнатную квартиру в спальном районе, чтобы меня не выселяли каждые полгода!

Злата затаила дыхание, невольно прильнув к стене. Её сердце странно ёкнуло.

— Созаёмщик? Нет. Нет у меня созаёмщика. Я один. Всегда один. Значит, так и будет? Спасибо. Спасибо за исчерпывающий ответ.

Раздался короткий, резкий гудок отбоя, а потом — глухой стук, будто телефон упал на стол или ударился о стену. Потом наступила тишина. Такая густая, что её почти было слышно.

Злата медленно отодвинулась от стены. В голове, как в калейдоскопе, завертелись обрывки: отказали, платёжка белее вашего потолка, созаёмщика нет, один.

Сосед по стенке. Егор. Айтишник с сарказмом. Ему тоже отказали в ипотеке.

Безумная мысль, зародившаяся вчера, вдруг перестала

быть просто мыслью. Она обрела черты. Высоту, комплекцию, уставшее лицо и кружку кофе. Она материализовалась за тонкой стенкой из папье-маше.

Любой ценой, — вспомнила Злата свои вчерашние слова.

Цена, как выяснилось, могла иметь имя. И жить в соседней комнате.

Глава 3. Две неудачи на одну кухню

Утро на общей кухне началось с ритуального танца двух разбитых надежд. Злата, с тёмными кругами под глазами после полуночных размышлений о судьбе, соседи и пропавшей колбасе, пыталась сварить овсянку на единственной пригодной конфорке. Егор, выглядевший так, будто его пропустили через промышленный комбайн для выжимания энтузиазма, стоял у окна и пил кофе, глядя на серый двор, как на лично-го обидчика.

Тишина висела тяжёлым, почти осязаемым полотном. Прерывал её только булькающий чайник да отдалённый гул маршруток с улицы. Казалось, сама квартира затаила дыхание в ожидании чего-то.

Злата не выдержала первой.

— Кофе, видимо, крепкий, — произнесла она, больше чтобы разорвать тишину, чем для разговора.

Егор медленно обернулся. — Достаточно крепкий, чтобы поднять мотивацию у мёртвого сервера. — Он взглянул на её бледное лицо. — Вам налить? Предупреждаю, это не напиток, это химическое оружие в кружке.

— Давайте, — кивнула Злата с решимостью обречённого. — Мне, кажется, сегодня нужно именно химическое оружие.

Он молча налил ей из своей французской прессы густую, почти чёрную жидкость. Злата сделала глоток и едва не скри-

вилась — горечь была такой, что, казалось, можно было удалить ею ржавчину. Но она стойко проглотила. — Как раз то, что нужно, чтобы пережить мысли об ипотеке, — выдавила она, стараясь, чтобы голос не дрогнул.

Уголок рта Егора дёрнулся. — А, значит, не только у меня вчера был содержательный диалог с финансовым институтом. — Он поставил кружку на стол. — Отказ номер сколько?

— Первый. Но с такими перспективами, что и второго не понадобится. Низкий доход, нет созаёмщика. Стандартный набор. А у вас?

Егор тяжело вздохнул, сел на стул, который жалобно закрипел под ним. — Отказ номер... неважно какой. Формально — из-за высокой рискованности. Неформально — потому что в моей кредитной истории затесалась одна неприятная история. Как сувенир из прошлой жизни.

— Бывшая? — угадала Злата, помешивая овсянку.

— Бывшая, — подтвердил он сухо. — Сообщество имущества, общие кредиты на технику, которые я, дурак, брал как поручитель. Потом — расставание, её внезапный отъезд в другой город и тихое, красивое кидание по выплатам. Я всё закрыл, конечно. Но шрам на истории остался. Банк видит его, как фонарный столб посреди чистой дороги.

Егор не любил долго рассказывать о прошлом. Это было не холодное намерение сохранить дистанцию, а скорее осторожность человека, который знает цену словам. Он помнил,

как однажды поздним вечером проследил за архивацией старого дела по долгам в банке и понял, что бумажка, подписанная в эмоции и усталости, способна отнять у тебя не только деньги, но и спокойную жизнь. В памяти всплывала та квартира — не их, а чужая, где он когда-то жил с ней. Они покупали по мелочи то, что стоило копейки, но дорого в воспоминаниях: керамический крючок, лампу с трещинкой, тарелки, на которых потом были их первые ссоры и первые примирения. И были те дурацкие очередные покупки, на которые он согласился как поручитель. Это было не по книге — это было по доверчивости. Он тогда думал, что любовь и доброта — это лучшие гарантии. Деньги не спрашивают о цвете чувств, и через полгода, когда девушка ушла, он обнаружил, что платёжные поручения остались его на подписи, как старые привязанные корабли к причалу.

Это не была история про злую женщину и доброго мужчину. Это была та дурацкая человеческая правда — они жили, как все, и однажды доверились слишком широко. Банк не разбирался в нюансах их романтических драм: бумага есть бумага. Суммы приходили и уходили, судебные запросы расходились по ящикам, а Егор ночами сидел и писал квитанции, которые, казалось, никогда не кончатся. Когда дело было закрыто, когда счет был оплачен и последний документ украшал архив, там остался след. Он чувствовал его в кредитной истории как плёнку на стекле — не видна, но всё искажает.

Злата налила себе овсянки. Мысль о том, что у кого-то проблемы ещё круче её собственных, странным образом немного подбодрила. Не со злорадства, а с пониманием, что она не одна в этой лодке, которая уверенно даёт течь.

— Значит, вы тоже в тупике, — констатировала она.

— Я в тупике, у которого три стены и потолок, который вот-вот рухнет, потому что хозяйка поднимает аренду, — парировал Егор.

Злата вздрогнула. — На двадцать пять процентов?

— На двадцать пять процентов, — кивнул он. — Видимо, мы с вами спонсируем её новую шубу.

Они посмотрели друг на друга. И в этот момент что-то щёлкнуло. Не романтическое, а чисто практическое, товарищеское — осознание общего врага в лице банковских менеджеров, жадных хозяек и абсурдных правил игры.

— А сковородка эта только одна нормальная? — спросил Егор, глядя на антипригарную сковороду, которую Злата поставила на раковину.

— Одна. Остальные либо пригорают всё, либо до дыр прожарены.

— Значит, придётся ввести график дежурств. Или драться за неё, как в дикой природе.

— Я предлагаю график, — быстро сказала Злата. — У меня завтра омлет планируется.

— Принято. Тогда сегодня вечером она моя. У меня запланирована куриная грудка с овощами. Попытка питаться

правильно перед лицом неминуемого финансового краха.

Злата улыбнулась. В его сарказме появилась какая-то... почти что домашняя нота. В этот момент её телефон, лежавший на столе, зазвонил. Катя. Злата взглянула на Егора, который сделал вид, что снова увлечённо изучает вид из окна, и ответила.

— Привет, Кать. — Ну что, как дела на фронте борьбы за жилплощадь? — сразу же спросила подруга. — Новый сосед не съел ещё твои запасы?

— Пока нет, — улыбнулась Злата. — Мы тут как раз...

— Слушай, а я тут думаю, — перебила её Катя с энтузиазмом человека, придумавшего гениальную, но безумную идею. — У тебя же сосед новенький. Мужчина. Тоже, говорила, айтишник? Значит, зарплата у него норм. Вот и решение всех проблем! Берёшь его в мужья по договору — и вуаля! Два дохода, одна ипотека, общая квартира! Чистая формальность! Романтика, конечно, никуда, зато своя ванная!

Злата почувствовала, как горячая волна подкатила к щекам. Она отвернулась от стола, но было поздно. Егор стоял к ней боком, и она видела, как его спина на мгновение замерла, а плечо слегка дёрнулось. Он всё слышал. Катя говорила достаточно громко, а на кухне тишина была звенящей.

— Кать, что ты несёшь, — прошептала Злата в трубку, стараясь звучать как можно более естественно и проваливаясь на этом с треском.

— Да я серьёзно! Ты же говорила, он тоже ипотеку не по-

лучил. Так объедините усилия! По-соседски. По-деловому. Подумай!

— Подумаю, — быстро сказала Злата. — Позже. Мне сейчас... каша подгорает. — Она почти бросила трубку. Повисла тяжёлая, густая, неловкая пауза.

Злата уставилась в свою овсянку, чувствуя, что каждое её зерно сейчас смеётся над ней. Егор медленно обернулся. Его лицо было невозмутимым, но в глазах плавала та самая смесь иронии и чего-то ещё — острого, заинтересованного.

— Каша? — спросил он нейтрально.

— Да, — выдавила Злата. — Овсянка. Коварная штука.

— Ясно, — протянул он. — А у вашей подруги... интересные бизнес-предложения.

— Она шутит, — быстро сказала Злата. — У неё своеобразное чувство юмора. Полный бред, конечно.

— Конечно, — согласился Егор, но в его голосе не было ни капли уверенности. Он взял свою кружку, подошёл к раковине, чтобы помыть её. — Чистая формальность. Своя ванная. — Он произнёс это задумчиво, как будто взвешивая на невидимых весах. Потом посмотрел на Злату. — Абсурд, да?

— Полнейший, — уверенно подтвердила Злата, заливаясь внутренним краской.

— Да, — согласился Егор. — Только... — Он сделал паузу, словно выбирая слова. — В этом абсурде есть определённая, извращённая логика. Экономическая.

Их взгляды снова встретились. На этот раз неловкость сменилась чем-то другим. Неловкой, но очень серьёзной задумчивостью. Мысль, брошенная как шутка, упала между ними, но не разбилась. Она лежала на полу их общей кухни, как та самая упавшая макаронина, на которую по негласному правилу пяти секунд уже можно было не обращать внимания. Но оба почему-то смотрели именно на неё.

Егор первым отвёл взгляд. — Ладно, — сказал он. — Пойду, попробую оживить сервер. И подумаю над графиком дежурств за сковородкой.

Он вышел, оставив Злату наедине с остывающей кашей, недопитым химическим оружием в кружке и с одной безумной, абсурдной, но навязчиво логичной мыслью, которая теперь тихо звонила в её голове, как будильник, до которого ещё очень далеко, но который уже нельзя просто так выключить.

Глава 4. Безумная идея

Вечер в комнате Златы был посвящён священному ритуалу под названием — выживание до зарплаты. На столе лежали три последние купюры, горсть мелочи, распечатка с калькуляцией из банка и блокнот, испещрённый мрачными столбиками цифр. Зарплата минус аренда, минус коммуналка, минус еда, минус проезд, минус непредвиденное - которое происходило всегда. От оставшейся суммы до требуемого банком первоначального взноса для самой заваливающей студии лежала пропасть, сравнимая по масштабам с Марсианской долиной Маринер.

— Безнадёга, — прошептала она, закрывая глаза. — Полная, тотальная безнадёга.

Её спас от сползания в пучину депрессии только запах. Сначала доносившийся из-под двери, потом пробивавшийся сквозь стену. Жареный лук, курица, что-то пряное. Егор готовил свой ужин. Злата почувствовала дикий приступ голода и одновременно обиды на всю вселенную. Даже его куриная грудка с овощами казалась сейчас символом недостижимого благополучия.

Она собрала волю в кулак и вышла на кухню за чаем. И застыла в дверях.

Егор стоял у стола, но не ел. Перед ним лежала стопка бумаг, и он водил по ним пальцем. Злата узнала эти листы —

похожие лежали и у неё в комнате. Банковские условия, расчёты, графики платежей. На верхнем листе жирным шрифтом было выведено: ОТКАЗ. Причина: повышенный кредитный риск.

Увидев её, он не удивился, лишь кивнул в сторону чайника. — Кипяток есть. Чайник только что отключился.

— Спасибо, — тихо сказала Злата, пробираясь к шкафчику. Тишина висела плотная, но на этот раз не неловкая, а скорее... товарищеская. Оба стояли по разные стороны баррикады, но баррикада была общая — против целой системы.

— И тебе отказали? — не удержалась она, заваривая пакетик самого дешёвого чая.

— В пятый раз. Пятью разными способами, — ответил он, не отрываясь от бумаг. — Каждый раз причина — новая графа в моём личном деле грешника. Сначала — старая история с бывшей. Потом — недостаточный срок на текущем месте. Потом — нестабильная отрасль. Теперь вот — повышенный риск. Они просто роются в моей жизни, как в помойке, чтобы найти ещё одну причину сказать нет.

— А у меня причина всегда одна, — горько усмехнулась Злата. — Низкий доход для запрашиваемой суммы. Как будто я прошу дворец. Я прошу тридцать метров в бетонной коробке на окраине!

Егор наконец поднял на неё взгляд. В его глазах горел тот же холодный, безжалостный огонёк, что и во время ночного разговора с коллегой.

— Знаешь, что в этом всё самое ироничное? — спросил он. — Если бы нас с тобой можно было склеить в одного заёмщика. У тебя — чистый, но маленький доход. У меня — приличный доход, но с пятном в истории. Вместе мы были бы... идеальными кандидатами. Для банка. Один перекрывает слабость другого.

Злата замерла с кружкой в руках. Мысль витала в воздухе с прошлого разговора, но сейчас он произнёс её вслух, облек в сухие, рациональные термины.

— Жаль, что нас нельзя посчитать одной семьёй, — сказала она, стараясь, чтобы в голосе звучала только шутка.

— Да, — согласился Егор. Его взгляд стал пристальным, изучающим. — Жаль. — Он помолчал, глядя на неё так, словно видел не соседку в потрёпанном домашнем халате, а... переменную в сложном уравнении. — А если... — начал он медленно, отчеканивая каждое слово. — Чисто теоретически. Гипотетически. Рассмотреть вариант, при котором... это стало бы возможным?

Сердце Златы гулко стукнуло. — Что это? — Семья. Для банка. Чисто формальный статус. Кухня вдруг стала очень тихой. Даже холодильник перестал гудеть. Злата поставила кружку на стол, чтобы не уронить.

— Ты предлагаешь... — её голос сорвался. Она начала заново, чётко, как он. — Ты предлагаешь мне выйти за тебя замуж. Ради ипотеки.

— Я предлагаю рассмотреть возможность заключения

фиктивного брачного союза с целью улучшения наших шансов на получение жилищного кредита, — поправил он, и в его тоне снова зазвучали нотки того самого айтишника, составляющего ТЗ. — Без всяких романтических, эмоциональных или физических коннотаций. Чисто деловое партнёрство с юридическим оформлением.

Они смотрели друг на друга. Безумие идеи висело в воздухе, как запах его жареной курицы, но постепенно начинало пахнуть не безумием, а... решением. Единственным решением в тупике.

— Это... ненормально, — выдохнула Злата.

— А что в нашей ситуации нормально? — парировал Егор. — Снимать комнаты до пенсии? Жить в ожидании, когда хозяйка снова поднимет цену? Или когда сосед сверху окончательно пробьёт тебе потолок ногами? Это не ненормально. Это радикально. И, возможно, единственная доступная нам опция.

В этот момент на плите зашипела забытая сковорода. Масло начало гореть. — Чёрт, — выругался Егор, бросившись к плите.

Злата инстинктивно схватила губку и открыла кран. — Давай сюда, быстрее! Они столкнулись у раковины — он со шипящей сковородой, она с мочалкой. Вода брызнула, пар поднялся к потолку. Вместе они оттерли пригоревшие остатки.

— Вот, — сказала Злата, передавая ему чистую, ещё тёп-

лую сковороду. — Готово.

— Спасибо, — ответил он. И в этой бытовой, почти супружеской сцене что-то окончательно щёлкнуло. Так живут. Так решают проблемы. Так моют посуду после неудачного ужина. Возможно, так же можно и... оформить брак.

— Ладно, — сказала Злата, отдышавшись. — Допустим, мы это серьёзно обсуждаем. Как бизнес-проект.

— Именно, — кивнул Егор, ставя сковороду на сушилку. — Со всеми вытекающими: договором, разграничением зон ответственности, финансовыми обязательствами и... — он чуть усмехнулся, — регламентом пользования общей кухней.

Злата не выдержала и фыркнула. — Пункт первый: сахар и чай берутся по принципу один за всё — всё за одного или строго по предварительной заявке?

— По заявке, поданной не позднее, чем за два часа до чаепития, — невозмутимо продолжил он. — С обязательным возвратом в течение трёх дней. Пункт второй: график пользования ванной комнатой, чтобы избежать утренних столкновений.

— А как насчёт... имиджа? — спросила Злата, уже вовлекаясь в этот абсурд. — Нас же банк будет проверять. Нужно хотя бы выглядеть как пара. Ходить иногда вместе куда-то. Знать друг о друге базовые вещи.

— Биография будет согласована, — согласился Егор. — Место знакомства, общие интересы... Мы же соседи, это да-

же правда. Можно сказать, что познакомились здесь, сблизились за общими проблемами с жильём. Это почти и есть правда.

Они снова замолчали, но теперь молчание было деловым, наполненным мыслями, которые неслись со скоростью света.

— Самый главный пункт, — тихо сказала Злата. — Срок. И... выход. Как это закончится?

Егор вздохнул. Это был первый по-настоящему тяжёлый вздох за весь разговор. — Срок — до погашения ипотеки. Или до того момента, когда один из нас сможет рефинансировать её на себя одного. Выход — развод. Чистый, простой, по взаимному согласию. Всё имущество, нажитое в браке... то есть купленная квартира, делится в соответствии с вложенными средствами и прописывается в договоре сразу. Никаких неожиданностей.

Это звучало так холодно, так рационально. И так... правильно. В этой чёткости была какая-то пугающая надёжность.

— Давай хотя бы узнаем, — наконец произнесла Злата, и её голос прозвучал твёрже, чем она ожидала. — Не принимая решений. Просто сходим в банк. Узнаем, действительно ли у молодой семьи в нашем с тобой гипотетическом составе будут шансы. Если нет — тема закрыта, и мы просто останемся соседями, которые вместе моют сковородки.

Егор внимательно посмотрел на неё, затем медленно кивнул. — Логично. Первичная проверка гипотезы. Завтра в

обед? Я могу отпроситься с работы на пару часов.

— Я тоже.

— Тогда договорились. — Он протянул руку. Не для рукопожатия, а скорее как жест подтверждения договорённости. Злата посмотрела на его ладонь, потом встретила с ним взглядом. В его серых глазах не было ни намёка на романтику, только расчёт, осторожность и та самая решимость — любой ценой, которая горела и в ней самой. Она пожала его руку. Крепко, по-деловому.

— Договорились. Никакой романтики. Чистая сделка.

— Чистая сделка, — повторил он.

Он забрал свои бумаги и ушёл в комнату. Злата осталась стоять на кухне, держа в руке остывшую кружку с чаем. От безнадёжной тоски не осталось и следа. Её сменило другое чувство — нервное, колкое, пугающее. Но в его основе лежала не паника, а азарт. Азарт игрока, который, проиграв все партии, вдруг увидел на столе новую, странную карту. Карту с лицом соседа. И теперь им предстояло вместе решить, стоит ли её разыгрывать.

Глава 5. Банк и семейная легенда

Они стояли перед стеклянными дверями банка, как два партизана перед входом в штаб врага. Злата в единственном приличном платье, синем, чуть потертым в локтях и нервно поправляла прядь светлых волос. Егор в своей стандартной айтишной униформе — темные джинсы и свитер — щёлкал кольцом на ключах. Тиканье было нервным, как метроном перед расстрелом.

— Готовы? — спросил он, не глядя на неё.

— Нет, — честно ответила Злата. — Но идти надо.

— Главное — не переигрывать, — проинструктировал он, наконец встретившись с ней взглядом. — Мы обычная пара. Немного уставшая от поисков жилья. Не влюблённые голубки, а... союзники.

— Союзники, — кивнула Злата, и это слово немного успокоило. Оно было правдивым.

Войдя внутрь, они попали в царство стерильного спокойствия: тихая музыка, запах кофе из автомата, безразличные лица клиентов в очередях. Их направили к менеджеру по ипотеке — молодой женщине в строгом жакете с именной бейджиком Анна. У неё была профессионально-участливая улыбка, которая не доставала до глаз.

— Здравствуйте! Молодая пара? Поздравляю! — начала она, усаживая их за стол. — Чем могу помочь?

— Мы интересуемся ипотекой, — сказал Егор, кладя на стол папку с документами. — Для молодой семьи.

— Отлично, — Анна взяла папку, её пальцы быстро забежали по бумагам. — Сначала формальности: паспорта, ИНН, справки о доходах... Да, вижу. — Она посмотрела на экран. — Доходы у вас... интересные. У вас, — кивнула она Егору, — приличные. У вас, — взгляд на Злату, — скромные, но стабильные. В сумме, конечно, очень даже неплохо для стартовой квартиры.

Злата почувствовала, как в груди вспыхнула слабая искра надежды.

— Но есть нюансы, — продолжила Анна, и искра тут же погасла. — У вас, Егор, в кредитной истории есть... отметки. Старые, но они есть.

— Да, это давняя история, — ровно ответил Егор. — Бывшие обязательства, все закрыты.

— Понимаю. А у вас, Злата, доход сам по себе на серьёзную ипотеку не тянет. — Анна сложила руки на столе. — Но вместе вы представляете собой вполне сбалансированную пару для банка. Риск одного компенсируется надёжностью другого.

— Значит, шансы есть? — не удержалась Злата.

— Теоретически — да, — кивнула менеджер. — Но для программы молодая семья нужен официальный статус. Вы... расписаны? В воздухе повисла та самая пауза, которую они не отрепетировали.

— Пока нет, — быстро сказал Егор. — Но планируем в ближайшее время. Мы хотели сначала понять с жильём.

— Разумно, — Анна сделала пометку. — А познакомились-то где, если не секрет? Люблю истории любви, — добавила она с той же дежурной улыбкой.

Злата почувствовала, как мозг на секунду отключился. Все придуманные за ночь версии — через общих друзей, на выставке — испарились, оставив чистый лист паники.

Егор кашлянул. — В... общежитии, если можно так сказать. Снимали комнаты в одной квартире.

— Да, — подхватила Злата, осмелев. — И познакомились... из-за колбасы.

Анна приподняла бровь. — Из-за колбасы?

— Она исчезла из общего холодильника, — с убийственной серьезностью продолжил Егор. — Я подумал на неё. Она — на меня. Выясняли отношения на общей кухне. Оказалось, виноват был третий сосед, который уже съехал. А мы... — он сделал паузу, как бы подбирая слова, — разговорились.

— И поняли, что у нас общая проблема — отсутствие нормального жилья, — закончила Злата, с облегчением замечая, что Анна улыбнулась уже чуть искреннее.

— Романтично, — прокомментировала менеджер. — А первое свидание?

На этот раз Злата была быстрее. Правда всегда звучит убедительнее. — Мы вместе пошли в гипермаркет за... шваброй. У нас прорвало соседа сверху, нужно было устра-

нять последствия. Совместный поход за шваброй и тряпками — вот наше первое свидание.

Егор фыркнул — коротко, произвольно, и это прозвучало на удивление естественно. — Да, — подтвердил он. — Романтика на уровне чистоты — залог счастливой семьи.

Анна рассмеялась — уже по-настоящему. — Практично. Мне нравится. А давно вы вместе?

Злата открыла рот, чтобы сказать полгода, но Егор опередил: — Год и три месяца.

— Почти год, — поправила его Злата, бросая на него взгляд держи рот на замке.

— Ну да, — спохватился он. — Я округляю.

Менеджер смотрела на них с лёгким, едва уловимым скепсисом, но в её глазах промелькнул и интерес. Цифры на экране, видимо, говорили сами за себя.

— Хорошо, — сказала она, возвращаясь к делу. — Ситуация такова: по финансовым показателям вы как пара проходите. Даже с учётом кредитной истории Егора. Но... — она подняла палец, — участие в льготных программах и вообще рассмотрение вас как единой заявки возможно только при предоставлении свидетельства о браке. Без этого вы для банка — два отдельных заёмщика с разными проблемами.

Злата и Егор переглянулись. В этом взгляде не было ни паники, ни разочарования. Было понимание. Гипотеза подтвердилась. Дверь была не закрыта, но на ней висел огромный замок под названием официальная регистрация.

— Понятно, — сказал Егор. — То есть, если мы предоставим свидетельство...

— Тогда мы с радостью запустим вашу заявку в работу, — завершила мысль Анна, вручая им красивый буклет ипотека для молодой семьи. — Поздравляю вас с таким решением! Это очень ответственный шаг. И выгодный, — добавила она с профессиональным блеском в глазах.

На выходе из банка их снова ждала серая московская улица, но мир теперь выглядел иначе. Он был чётче. С более ясными правилами. Они остановились у дверей, и Злата машинально взяла протянутый ей Егором буклет. Яркая счастливая пара на обложке улыбалась им с идиотским блеском в глазах. Она подняла взгляд на Егора. Он смотрел на неё, и в его обычно холодных глазах играли смешанные чувства: вызов, азарт и та самая железная решимость.

Он выдержал паузу, достаточную, чтобы напряжение достигло пика. Потом слегка склонил голову набок, и уголок его рта дрогнул в чём-то, отдалённо напоминающем усмешку.

— Ну что, Злата, — произнёс он тихо, но очень чётко. — Расписываться пойдём?

Ветер подхватил страницы буклета у неё в руках, зашуршав, как листвою. Где-то вдаль просигналила машина. Злата сжала глянцевую бумагу так, что на обложке пошли заломы. Она посмотрела на его протянутую руку — не для рукопожатия, а просто открытую ладонь, будто приглашающую её

сделать шаг в эту сумасшедшую, но единственно возможную реальность. Она не положила в неё свою руку. Она просто кивнула, один раз, коротко и ясно.

— Пойдём, — сказала она. И голос её не дрогнул.

Глава 6. Договор на салфетке

На этот раз местом для исторических переговоров стал не стол на кухне, а липкий столик в ближайшем фастфуде. Запах жареного картофеля и котлет казался гротескным антуражем для обсуждения брака, даже фиктивного. Но здесь точно не подслушают, и можно было говорить предельно прямо.

Они сидели друг напротив друга, между ними лежали бумажки из банка, калькулятор и открытый ноутбук Егора. Но самым важным предметом оказалась бумажная салфетка, которую Егор развернул и положил перед Златой.

— Начнём с основ, — сказал он, как генерал перед сражением. — Структура.

— Статья первая: цели, — отозвалась Злата, взяв шариковую ручку. Она вывела на салфетке каллиграфическим почерком: Брачный контракт о совместном ведении хозяйства. Потом зачеркнула брачный контракт и написала сверху: Соглашение о сотрудничестве.

— Ипотека для молодой семьи, — продолжил Егор, диктуя. — Совместное приобретение жилья в общую долевую собственность с последующим разделением.

— Статья вторая: быт, — кивнула Злата. — Квартира покупается с двумя изолированными комнатами. Минимум общих зон.

— Санузел — график, — тут же добавил Егор. — Утром с 7:00 до 7:30 — ты. С 7:30 до 8:00 — я. Вечером — по договорённости, но не более 20 минут за раз.

— За нарушение графика — штраф в виде внеочередного мытья полов на кухне, — парировала Злата, записывая.

Они погрузились в мир юридического абсурда, смешанного с суровой правдой съёмного жилья. — Финансы, — продолжил Егор. — Взнос, ипотечные платежи, коммуналка, ремонт — строго пополам. Ведём общий гугл-таблиц. Отчётность — раз в месяц.

— А если у кого-то форс-мажор? Заболел, задержали зарплату? — спросила Злата, прищурившись. — Вторая сторона покрывает недостающую сумму, но это считается долгом. Возврат — в течение трёх месяцев с процентами... скажем, в виде отработки по дому. Например, десять пропущенных тысяч равняются мытью всей посуды за месяц.

— Жестко, — заметила Злата, но записала. — Но справедливо. Дальше. Личная жизнь.

Тут в переговорах впервые наступила секундная пауза. Они оба посмотрели в свои чашки с остывшим кофе.

— Никаких романтических отношений между сторонами, — четко начал Егор. — Это основа.

— И никаких реальных отношений на стороне, которые приводят в квартиру, — добавила Злата. — Никаких ночёвок гостей. Мы создаём видимость семьи для внешнего мира. Значит, внутри должно быть чисто.

— Полностью согласен. Внешние контакты — только за пределами квартиры и без пересечения с нашим общим кругом общения. Особенно — с банком, соседями, родственниками, если таковые появятся.

Злата вздохнула, записывая. — Приватность. Никакого вмешательства в личные пространства. Моя комната — моя крепость. Твоя — твой бункер. Без стука не входить.

— Естественно. И никаких подслушиваний, — сухо добавил Егор. — И ещё. Пункт для тебя: не трогать мои провода, гаджеты и технику без спроса. Ничего не улучшать, не перекладывать и особенно — не пытаться починить.

— Пункт для тебя, — тут же отозвалась Злата. — Не трогать мои стратегические запасы шоколада и печенья в верхнем шкафчике. Они для психологической устойчивости в критические дни проекта.

Он чуть кивнул, почти с уважением. — Принято. Обязанности по дому. Покупаем магнитную доску, составляем график. Я — вынос мусора, уборка санузла раз в две недели, проверка счетчиков.

— Я — мытьё полов, протирка пыли, покупка бытовой химии и продуктов. Готовим каждый для себя, но если кто-то готовит на двоих, второй моет посуду. Сразу после еды.

— Без отсрочек, — подтвердил Егор.

— А если кто-то не выполнил? — спросила Злата, уже входя во вкус.

— Штрафные санкции. Тот, кто нарушил, неделю кормит

кота соседей, если у них появится кот. Или покупает пищу на двоих. — Без ананасов.

— Без ананасов, — согласился он.

Они допили холодный кофе. Салфетка была исписана с двух сторон, почерк становился всё мельче и неразборчивее.

— Срок, — наконец произнесла Злата, откладывая ручку. — Это самое важное.

— Минимум три года, — сказал Егор. — Меньше банк не поверит в серьёзность намерений. И за это время можно погасить значительную часть ипотеки. После трёх лет — ежегодный аудит. Обсуждаем, продлеваем или начинаем процедуру выхода.

— Выход, — Злата обвела это слово в рамочку.

— Развод по обоюдному согласию. Квартиру продаём, ручку делим в соответствии с внесёнными суммами. Или один выкупает долю у другого по рыночной оценке.

— Все условия, — подчеркнул Егор, — фиксируем у нормального юриста. Настоящий, юридически значимый договор. Эта салфетка — только меморандум о намерениях. Они замолчали, разглядывая своё творение. На салфетке был не план счастливой жизни, а техническое задание на совместное выживание. И почему-то именно это выглядело честнее всех романтических клятв.

— Ну что, — Егор откинулся на спинку пластикового стула. — Нам обоим нужно время. Это не решение на вечер.

Злата кивнула, аккуратно складывая исписанную салфетку.

ку. Она была похожа на карту сокровищ, где в конце стоял не сундук с золотом, а ключ от собственной, пусть и на двоих, однушки на окраине.

— Давай до завтра, — сказала она. — Каждому в своей комнате, без звука. Если к утру не передумал... сообщаем.

Вечер в их съёмной квартире был особенно тихим. Каждый за своей тонкой дверью, каждый в своём микромире депрессивного быта. Злата сидела на кровати и слушала. Сверху — вечный топот и смех детей. Снизу — скандал соседей из-за денег. За стеной у Егора — мерный, почти неслышный стук клавиатуры. Она пересчитала свои сбережения в третий раз за вечер. Потом взяла с полки потрёпанный фотоальбом — там были старые снимки родителей у их первого, тоже купленного в кредит, гаража. Они улыбались. Им было страшно, но они были вместе. По-настоящему. Она посмотрела на сложенную салфетку на тумбочке.

За стеной Егор закончил строку кода и откинулся. Он обвёл взглядом свою комнату: стеллажи с книгами, сервер, мигающий огоньками в углу, постер со схемой метро. Всё это было его миром, который он выстроил с таким трудом. И который в любой момент мог рухнуть из-за очередного повышения аренды или прихоти хозяйки. Он открыл вкладку с ипотечным калькулятором. Цифры были пугающими. Но цифры вдвоём... они уже не казались фантастикой. Он посмотрел на свой телефон. На экране был список контактов, и среди них — новый, без фамилии, просто Злата.

Два телефона в двух комнатах лежали в тишине. Два больших пальца зависли над экранами. Злата закрыла глаза, представив не белое платье и венчание, а ключ. Один ключ на двоих. И общую тишину за своей, своей собственной дверью. Егор представил не лицо невесты, а график платежей, где в графе Статус заёмщика наконец-то стояло бы надёжный. И свою комнату, в которой можно было бы сверлить стены, не спрашивая ни у кого разрешения.

Он первым набрал сообщение. Коротко, без знаков препинания, как команду. — Делаем это.

Его телефон завибрировал почти мгновенно. Ответ пришёл через три секунды. — Делаем.

В ту ночь в квартире не стихали звуки: сверху топали, снизу ругались. Но за двумя закрытыми дверями два человека уснули немного спокойнее. У них появился план. Пусть безумный, пусть циничный. Но план. И партнёр. Пусть временный, пусть фиктивный. Но партнёр. В битве за квадратные метры этого было больше, чем у большинства.

Глава 7. ЗАГС: без платья и фаты

Утро в ЗАГСе было похоже на выставку достижений народного романтизма. Прилизанные пары в белых платьях и костюмах, бутоны роз, дрожащие руки родителей, бабушки в кружевных шляпках и дети-напомаженные фотографы, которые приказывали а теперь поцелуй! С такой же серьёзностью, как командующий армией.

Злата и Егор стояли в этой очереди, как два гриба в оранжее экзотических цветов. Она в своих единственных приличных темных брюках и простой блузке. Он в той же ай-тишной униформе — джинсы и свитер с едва заметным зацепом на плече. У них не было колец. Не было гостей. Не было даже коробки конфет для регистратора. У них были паспорта, заявление и налёгшая на плечи тихая, но всеобъемлющая неловкость.

— Кажется, мы единственные здесь без фотосессии, — заметил Егор, наблюдая, как очередная пара с трепетом принимала от сотрудницы ЗАГСа поздравительную открытку.

— Мы и фотосессии не оплатили, — напомнила Злата. — Эконом-вариант. Только штамп.

— Зато быстро, — пробормотал он, но в его голосе прозвучала та же напряженность, что и в её.

Наконец их очередь дошла до небольшой группы перед самым входом в зал. Среди них была пара, которая выгля-

дела так празднично, что казалось, они излучали свет. Женщина в пышном платье держала букет из полевых цветов, её парень нежно гладил её руку.

— Ой, мы тоже без гостей! — обратилась девушка к Злате с сияющей улыбкой. — Решили, что это будет наш маленький интимный момент. А как вы познакомились?

Вопрос пал как гром среди ясного неба. Злата почувствовала, как все реплики, подготовленные заранее, испарились. Она посмотрела на Егора. Он стоял, слегка склонив голову, явно рассчитывая на её ответ.

— В общезнании, — выдавила Злата. — Из-за... из-за колбасы.

Девушка в платье замерла с открытым ртом. — Из-за колбасы? — повторила она, не понимая.

Егор решил вмешаться. — Да, — сказал он с невозмутимостью, которая граничила с абсурдом. — Это была настоящая колбасная драма. Но она закончилась хорошо.

— А как он сделал вам предложение? — продолжала девушка, её глаза сияли ожиданием романтической истории.

Злата почувствовала, как внутри всё натягивается как струна. Она видела, как Егор слегка напрягся, готовый к очередной легенде. Но что-то в ней сломалось. Не гнев, не страх, а просто чистая, нефильТРованная правда, смешанная с безнадёжной иронией.

— Он сделал мне предложение на кухне, — сказала она четко, смотря прямо в глаза девушке. — Рядом с мусорным

ведром. Сказал: Ну что, Злата, расписываться пойдём?

Окружающие пары, которые подслушивали разговор, застыли в тишине. Девушка в платье выглядела так, будто её ударили током. Егор резко покраснел — не от стыда, а от неожиданности. Он никогда не видел Злату такой прямой, почти безжалостной в своей правдивости.

— О... — девушка попыталась найти слова. — Это очень... практично.

— Да, — согласилась Злата, чувствуя, как напряжение внутри начинает спадать. — Мы практичные люди.

В это время сотрудница ЗАГСа открыла двери и пригласила их внутрь.

Процедура была быстрой и деловой. Регистратор, женщина с лицом, выражающим многолетнюю привычку к подобным моментам, проверила документы, прочла стандартные слова о счастливом союзе и верности. Злата и Егор стояли рядом, не касаясь друг друга, как два солдата на параде.

— Объявляю вас мужем и женой, — сказала регистратор, и в её голосе не было ни радости, ни печали, только профессиональная нейтральность.

Злата посмотрела на Егора. Он медленно, почти механически, повернулся к ней.

— Жена, — произнес он тихо, с ироничной улыбкой, которая больше походила на усмешку.

— Муж, — ответила она с тем же выражением.

Они подписали книгу регистрации. Их подписи стояли

рядом, не пересекаясь, как два независимых столбца в таблице. Регистратор выдала им свидетельство — один лист бумаги, который менял всё. На улице, уже вне потока праздничных пар и фотографов, они остановились под холодным осенним ветром. Егор держал свидетельство как будто это был важный документ по работе.

— Вот и всё, — сказал он.

Злата ничего не ответила. Она смотрела на свой телефон, который только что завибрировал с сообщением. Она открыла его и прочла текст, который казался продолжением их нового статуса:

— *Злата, через месяц освободите комнату, я нашла других жильцов. Они платят больше. Удачи.*

Сообщение было от хозяйки квартиры. Оно не содержало ни эмоций, ни объяснений. Только факт. Злата подняла глаза на Егора. Он уже заметил её выражение и без слов понял содержание.

— Выбора больше нет, — сказала она просто, передавая ему телефон.

Егор прочёл сообщение, его лицо не изменилось, лишь глаза стали чуть более сосредоточенными. — Значит, начинаем действовать, — ответил он, возвращая ей телефон. — У нас есть месяц. И есть этот документ. Он показал на свидетельство о браке, которое теперь казалось не просто фиктивной бумажкой, а единственным оружием в их арсенале.

Злата взяла свидетельство из его рук и аккуратно положи-

ла его в свою сумку рядом с паспортом.

— Тогда вперед, — сказала она, и в её голосе звучала не решимость, а скорее принятие.

Принятие новой реальности, где их фиктивный брак стал единственной тропинкой к чему-то, что они могли назвать своим. Они пошли вдоль улицы, не как праздничная пара, а как два союзника после заключения договора. Без колец, без цветов, без гостей. Но с бумажкой, которая теперь была их пропуском в другую жизнь. И с месячным сроком, чтобы сделать эту жизнь реальной.

Глава 8. Первая свадебная ссора

Ровно через неделю после визита в ЗАГС они сидели в стерильном офисе банка, сжимая в руках пачки документов. Свидетельство о браке лежало сверху, как пропуск в другую реальность. Консультант — молодая женщина с идеальной улыбкой — скользила пальцем по экрану планшета.

— Учитывая ваш совокупный доход и статус молодой семьи... — она сделала паузу, и Злата невольно задержала дыхание. — Предварительное одобрение получено. Поздравляю.

Злата выдохнула. Егор лишь слегка кивнул, как будто получил апрув на код.

— Сумма, о которой мы говорили, доступна, — продолжила консультант. — Теперь осталось выбрать объект и предоставить договор купли-продажи.

На улице, в холодном осеннем воздухе, их охватила странная эйфория. Это была не радость, а скорее головокружительное ощущение того, что абстрактный план внезапно обрёл материальные очертания.

— У нас есть месяц до выселения, — сказала Егор, уже доставая телефон. — Ищем.

Они сели в ближайшей кофейне, разложив ноутбуки. Экран Егора мгновенно заполнился десятками вкладок с сайтов недвижимости. Злата открыла приложение с объяв-

лениями.

Первые пятнадцать минут прошли в почти благоговейной тишине. Они пересылали друг другу ссылки, комментируя односложно: — Смотри, — Дорого, — Странная планировка.

— Вот! — Злата ткнула пальцем в экран своего телефона. — Двушка в Чертаново. Ремонт, кухня девять метров.

Егор нахмурился. — Чертаново? Это же час до моего офиса на метро в лучшем случае. Мне нужен район ближе к работе. Смотри, в Бутово есть варианты.

— Бутово? — Злата подняла глаза, в её голосе зазвучали первые нотки раздражения. — Это вообще край света. Мне нужно ближе к центру, к метро. Я же не буду всю жизнь в офисе сидеть, у меня тоже встречи бывают.

— А мне каждый день по десять часов кодить, — парировал Егор, не отрываясь от экрана. — Транспортная доступность — приоритет. И мне нужна комната под кабинет. Чтобы можно было поставить два монитора, серверную стойку...

— Под кабинет? — Злата откинулась на спинку стула. — У нас бюджет на двушку, Егор. Две изолированные комнаты — это уже удача. Где там кабинет?

— В гостиной можно зонировать, — настаивал он. — Или искать трёшку на окраине.

— Трёшку? — её голос стал выше. — У нас даже на хорошую двушку-то в приличном районе едва хватит! И кухня,

между прочим, важна. Я не буду готовить в каморке два на два!

Ссора нарастала, как снежный ком. Из практического русла она стремительно скатывалась в абсурд.

— А балкон? — спросила Злата, уже явно переходя на личности. — Тебе нужен балкон под твоё оборудование. Мне он не нужен вообще, только пыль копить.

— На балконе можно хранить вещи, — упёрся Егор. — И там отличная вентиляция для серверов.

— Серверы на балконе! — почти фыркнула Злата. — Они же замёрзнут зимой! Или ты собираешься их в пуховики заворачивать?

— Лучше в пуховики, чем в твои пыльные шторы, — огрызнулся он. — Кстати, о шторах. Только тёмные, плотные. Свет по утрам мешает.

— Тёмные? — возмутилась Злата. — В нашей серой жизни ещё и в бункере жить? Только светлые! И обои — никаких тёмных тонов. Хватит с меня этих съёмных берлог с жёлтыми потолками.

— Светлые обои — маркие, — заявил Егор с убийственной логикой. — Я предлагаю практичный серый.

— Серый? Это же цвет тоски! Я хочу хотя бы одну стену акцентную. Тёплую.

— Акцентную? — он наконец оторвался от экрана, и в его взгляде читалось полное непонимание. — Это ещё зачем?

— Для души! — выпалила Злата. — Чтобы не сойти с ума

в четырёх стенах, которые будут пахнуть твоими печатными платами!

Они не заметили, как их голоса стали громче. Бариста за стойкой перестал взбивать молоко и с интересом наблюдал за сценой. Пара за соседним столиком перешла на шёпот.

— Обои! Шторы! Балкон под серверы! — Злата развела руками. — У нас даже квартиры нет, а мы уже готовы друг друга придушить из-за воображаемых обоев!

— Потому что надо планировать наперёд! — Егор стукнул пальцем по столу. — Не будет планирования — получим тот же бардак, что и в съёмной!

— Бардак? — её брови взлетели к волосам. — Это у тебя в комнате бардак из проводов! У меня всё идеально разложено!

Из-за соседнего столика раздался сдержанный смешок. Пожилой мужчина с газетой покачал головой и сказал своей жене, но так, чтобы было слышно: — Ну всё, настоящая семья — уже ругаются из-за ремонта, которого ещё нет.

Злата и Егор замерли, осознав, куда их занесло. Они переглянулись. В его взгляде мелькнуло то же самое смутное понимание абсурдности ситуации, что и в её. Уголки её губ дрогнули. Он протер ладонью лицо. Наступила тяжёлая, густая пауза.

— Ладно, — первым сдался Егор, голос стал тише. — Давай по порядку. Район... ищем что-то с разумным транспортным плечом для нас обоих. Не центр, но и не глухомань.

— И с нормальной кухней, — добавила Злата, уже без прежнего пыла. — Хотя бы семь метров.

— И с возможностью зонировать одну комнату под кабинет, — осторожно продолжил он.

— И без тёмно-серых обоев, — заключила она, но уже с намёком на уступку.

— Компромиссный цвет. — Берём, — он кивнул. — Составляем список критериев. Приоритеты. Как в техническом задании.

Они снова склонились над экранами, но теперь уже без прежнего напряжения. Спор, выплеснувший наружу все скрытые страхи и амбиции, каким-то странным образом... сблизил. Он сделал проект квартиры осязаемым. Показал подводные камни. И доказал, что они оба вложены в него по-настоящему, пусть и по разным причинам.

Их телефоны завибрировали практически одновременно. Одно и то же уведомление от банковского приложения. Злата первой открыла сообщение.

Поздравляем! Ваша заявка на ипотеку окончательно одобрена. Можете приступать к выбору объекта недвижимости. Для просмотра вариантов обратитесь к аккредитованным агентствам или на сайт...

Она медленно подняла глаза и встретила взглядом с Егором. Он смотрел на неё поверх своего телефона, и на его обычно непроницаемом лице читалась та же смесь шока и отрезвления.

Эйфория испарилась. Ссора из-за обоев и балконов моментально померкла. Перед ними лежал чистый лист. Пустой. Им предстояло вместе заполнить его — адресом, планом, цветом стен. Их общим адресом. Всё стало реально.

— Ну что, — сказал Егор, и его голос прозвучал неожиданно тихо. — Поехали смотреть наши будущие стены.

Они молча собрали вещи. Выходя из кофейни, Злата невольно посмотрела на того самого пожилого мужчину. Он поймал её взгляд и едва заметно подмигнул, как бы говоря: Добро пожаловать в клуб.

Клуб супругов. Фиктивных. Но уже вовлечённых в самый что ни на есть реальный, общий проект под названием - жизнь в кредит.

Глава 9. Риелтор и кошмарные варианты

Риелтор, Ольга Петровна, напоминала породистую гончую — поджарая, с невероятной энергией и взглядом, который сканировал клиентов на предмет платежеспособности и слабых мест. Она пожала их руки двумя ладонями одновременно.

— Молодожёны! Как трогательно! — воскликнула она с профессиональной улыбкой, и её взгляд на мгновение задержался на их пустых безымянных пальцах. — У меня для вас есть отличная подборка. Пойдёмте, машина ждёт.

Первый вариант был в панельной девятиэтажке, обещанной неподалёку от метро. Дорога заняла сорок минут, включая десять пешком через промзону. — Здесь очень тихо, — вещала Ольга Петровна, вставляя ключ в дверь, которую явно красили разными красками в разные эпохи. Внутри их встретил розовый ад. Обои с глянцевыми розами покрывали не только стены, но и потолок. Ковёр на потолке, правда, был другого оттенка — малиновый, ворсистый и отвисший посередине комнаты, как уставшая медуза. Воздух пах старым табаком и чем-то сладковато-затхлым. Егор сделал два шага внутрь и замер.

— Wi-Fi здесь точно не ловит, — констатировал он, как

учёный, обнаруживший отсутствие гравитации.

— Что? — переспросила Ольга Петровна, не поняв термина.

— Розетки, — продолжил он, указывая на единственную, торчащую из плинтуса, из которой рос целый букет скрученных проводов, изоленды и чёрной неизвестности. — Их явно не хватает. И расположение критичное.

Злата, тем временем, прошмыгнула на кухню. Три метра. Обои в зелёных подтёках. Газовая плита, похоже, помнила ещё Брежнева. Над ней — вытяжка, из которой свисала серая бахрома из жира и пыли. Она обернулась к вошедшему Егору и прошептала: — Тут погибло слишком много макарон. Я чувствую их печаль.

Второй вариант, в старом кирпичном доме с высокими потолками, встретил их коллекцией. Коллекцией чучел. Небольших птиц, белок, хорька с остекленевшими бусинками глаз. Они стояли на полках, на телевизоре, на подоконнике.

Хозяйка, пожилая женщина с ласковым взглядом, объяснила: — Это мой покойный муж так любил природу. Я их с собой, конечно, заберу. Но дух останется, хороший, уютный дух.

— Дух формальдегида, — пробормотал Егор, отходя от полки с белкой.

— А посмотрите, какая лепнина! — пыталась спасти ситуацию Ольга Петровна, указывая на потолок.

— Мне кажется, эта сипуха на шкафу тоже смотрит на лепнину, — сказала Злата. — И ей не нравится.

Они вышли на лестничную клетку. Ольга Петровна уже доставала ключи от следующей квартиры, как вдруг сверху донёлся хриплый, надрывный голос, под гитарный бой: Э-эх, зима-зимушка, ты морозна-ая такая!

Мурашки побежали по спине у Златы. — Это... что?

— О, это Алексей Степанович, сверху, — с лёгким вздохом объяснила риелтор. — Очень творческий человек. Шансонье. Репетирует обычно... по вечерам. И иногда ночами. Но вы только послушайте, какие проникновенные тексты!

Злата и Егор обменялись взглядом. В его глазах читался чистый, немой ужас. Жить под ежевечерними душевными терзаниями зимы-зимушки— это было даже страшнее розовых потолков.

Третий, четвёртый, пятый варианты сливались в калейдоскоп уныния: евроремонт, оказавшийся дешёвой плиткой и пластиковыми панелями; квартира с окнами во двор-колодец, где вечно стоял тусклый полумрак; вариант, где единственная лоджия была наглухо заварена и превращена в сарай для консервации.

К концу дня они сидели на заднем сиденье машины Ольги Петровны в полном молчании. Усталость была не физическая, а экзистенциальная. Весь их брак-договор, вся одобренная ипотека упирались в эту бездну убитых кухонь, пугающих соседей и тоскливых стен. Что-то в Злате начинало

сжиматься от паники. Месяц до выселения. Кредит на тридцать лет. И ни одного места, где можно было бы представить себе хоть какое-то будущее, даже фиктивное.

Ольга Петровна, наблюдая за ними в зеркало заднего вида, видимо, почуяла, что комиссия уплывает. Она прикусила губу, затем сказала, меняя тактику: — Знаете, молодые мои... Есть ещё один вариант. Не сказать, чтобы очень прилизан. Ремонта там, можно сказать, нет. Зато... потенциал. И соседи вроде тихие. Посмотрим?

Злата смотрела в окно на мелькающие серые дома. Егор сидел, уткнувшись лбом в холодное стекло.

— Потенциал, — без эмоций повторил он.

— Да, — сказала Злата, не глядя на него. — Что нам терять? Кроме рассудка.

Ольга Петровна оживилась и резко свернула с главной улицы в узкий переулок. Они ехали к последней сегодняшней надежде, больше похожей на отчаяние.

Глава 10. Квартира мечта... с сюрпризом

Переулок привёл их к пятиэтажке из тёмно-красного кирпича — сталинке с облупившейся лепниной под крышей, но крепкой, солидной. Воздух здесь пах не затхлостью, а скорее старой листвой и спокойствием. Ольга Петровна нервно хлопала по карману с ключами.

— Второй этаж, угловая. Света море. Но, повторяюсь, состояние... на любителя. Владелец — пожилой мужчина, переезжает к дочери. Продаёт как есть.

Лестничная клетка была чистой, с высоким потолком. Дверь открылась не в темноту, а в пространство, залитое последними лучами осеннего солнца. Злата замерла на пороге.

Это было не розовое безумие и не склеп с чучелами. Это была пустота. Почти голая. Паркет под ногами был старый, потёртый до дыр в проходных местах, но тёплого медового оттенка. Стены — обшарпанные, с остатками обоев неизвестной эпохи в крупных разводах. Потолок с трещинами, но высоченный. А окна... Огромные, почти от пола, в деревянных рамах. И света действительно было море. Он падал широкими пыльными лучами, подсвечивая летящую в воздухе пыль, превращая её в золотую.

Злата невольно сделала шаг внутрь. В её голове, без вся-

кого усилия, начали возникать картинки. Вот здесь, у этого окна — глубокий диван, подушки. На полу — ковёр с высоким ворсом. На этой стене — книжные полки до потолка. А в углу — большое каучуковое дерево в плетёном кашпо. Она даже не заметила, как её пальцы слегка пошевелились, как будто расставляя воображаемую мебель.

Егор прошёл мимо неё, его взгляд был прикован не к свету, а к стенам. Он оценивающе постучал костяшками пальцев по перегородке. — Кирпич, — констатировал он. — Толстый. Отлично для звукоизоляции. Он прошёл в меньшую комнату, рядом с кухней. Идеально. Три метра на четыре. Окно выходит во двор, свет рассеянный, не будет бликов на мониторах. Роутер можно повесить здесь, в углу, чтобы сигнал равномерно распределялся. Серверную стойку... возможно, в кладовке, если она сухая. Он мысленно проводил кабельные каналы по плинтусам.

Они почти одновременно развернулись и направились в самую большую комнату — ту самую, с окнами на закат. И столкнулись в дверном проёме.

— Это будет спальня, — уверенно заявила Злата, окидывая взглядом пространство.

— Нет, это идеально под кабинет, — парировал Егор, указывая на стену без окон. — Тут можно поставить длинный стол на два рабочих места, полки для оборудования. Света достаточно.

— Кабинет в самой светлой комнате? Ты с ума сошёл?

Спальня должна быть светлой!

— А рабочее место не должно? Я здесь буду проводить по двенадцать часов!

— А я здесь буду просыпаться! Это важнее!

Их спор прервал тихий кашель. Из кухни вышел хозяин — невысокий, сухонький мужчина лет восьмидесяти, в аккуратно застёгнутом кардигане. Он смотрел на них с лёгкой улыбкой.

— Делят уже? — спросил он хриловатым голосом. — Это хорошо. Значит, место живое, нравится.

Он повёл их показывать остальное. Кухня была просторной, но с советской мебелью цвета высохшей гороховой каши. Санузел раздельный, что было редкостью, но ванна — чугунная, эмаль на которой напоминала карту архипелага. Хозяин похлопал её бортик ладонью.

— Чугунка сорок девятого года, — сказал он с гордостью. — Вечная. Греет воду полдня. И унитаза... — он с почти нежностью указал на белоснежную, покрытую сеточкой трещин фаянсовую чашу. — Унитазос. Советский. Ни разу не подвёл. Таких теперь не делают. Всё здесь надёжное. Просто вид, конечно, уже не тот...

Злата и Егор слушали его, кивая. Они уже не спорили. Они изучали. Потенциал. Всё здесь требовало вложений, сил, времени. Но костяк был хорош. Тихий двор. Высокие потолки. Крепкие стены. И этот свет.

На обратном пути они молча ждали автобус на холодной

остановке. Ольга Петровна что-то бодро говорила про отличную возможность и цену ниже рынка. Они почти не слышали.

Автобус был полупустой. Они сели рядом на жёсткое сиденье. За окном плыли тёмные улицы, мелькали огни других окон, других жизней.

И почти одновременно, не глядя друг на друга, они сказали: — Мне понравилось.

Слова повисли в воздухе, столкнулись и слились в одно признание. Злата медленно повернула голову. Егор уже смотрел на неё. В его глазах не было иронии, только та же сосредоточенная серьёзность, что и в её.

Это было не просто неплохой вариант. Это было да. Первое общее, невынужденное да за всё время их странного альянса.

Но это дотянуло за собой шлейф новой, пугающей реальности. Цену ниже рынка давали не просто так. Квартира требовала капитального ремонта. Их бюджет был исчерпан ипотекой.

Злата набрала номер риелтора: — Ольга Петровна, — тихо, но чётко сказала Злата, не отводя взгляда от Егора. — Мы берём.

— Но ремонт... — начала риелтор.

— Сделаем сами, — закончил за неё Егор. Его голос звучал так, как будто он только что взял на себя обязательство переписать ядро операционной системы. Трудно, почти

невозможно, но если разбить на задачи...

В автобусе стало темно, только свет фонарей мелькал на их лицах. У них теперь был адрес. Пустой, обшарпанный, с вечным унитазом и призраками старой жизни. Но их. Их общий проект только что перешёл в самую сложную и затратную стадию — реализацию.

Они сидели плечом к плечу, и каждый уже составлял в голове список. Список материалов, инструментов, работ. Список того, во что они теперь должны были вложиться по-настоящему. Не деньгами — их уже не было. Своими руками, временем, нервами. И делать это предстояло вместе.

Глава 11. Подписи и паника

Воздух в банковском зале для VIP-клиентов был прохладным, пах бумагой и дорогим кофе. Кофе им никто не предложил. Перед Златой и Егором лежала не папка — а монолит. Толстый, пружинящий под пальцами блок документов, прошитый ниткой и опечатанный сургучной печатью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.